

Сергей Пономаренко

Лысая гора, или Я буду любить тебя вечно

Чудеса не противоречат природе, они противоречат лишь тому, что нам о ней известно.

Блаженный Августин

*Я прошел через сансару многих рождений.
Рождение вновь и вновь — горестно.*

Будда

*Мы все пришли и все уйдем, Но в этой жизни
есть избранники На Голгофу и на Трон.*

Из мюзикла «Экватор»

Пролог

Одна из них

1

Яркий солнечный свет после полумрака тюремной кареты со слепым окошком заставил Анику невольно зажмуриться. Солнце, багрово-красное, застыло на горизонте, посылая на

землю не по-весеннему жаркие лучи. Карета остановилась посредине мощенного камнями двора, окруженного высокой стеной. Раскаленная мостовая, насыщенный жаром воздух с готовностью приняли Анику, надеясь забрать жалкие остатки влаги, сохранившиеся в ее измученном теле. Но после затхлой духоты кареты она с удовольствием вдыхала сухой, горячий воздух.

Жандармский поручик, начальник караула, галантно помог девушке сойти на землю. Со стороны это было нелепым и забавным зрелищем — помочь арестантке в ручных и ножных кандалах, сером казенном халате и темном платочке, прикрывавшем коротко остриженные русые волосы. Она была красива, эта арестантка: большие выразительные глаза цвета изумруда на худощавом бледном личике с небольшим чувственным носиком — все гармонично, пропорционально и к месту.

Увидев протянутую руку жандармского офицера, она удивилась и замешкалась, но приняла помощь. Его учтивость никак не сочеталась с теми унижениями и страданиями, которые довелось ей испытать за время нахождения под следствием в Киевской губернской тюрьме. Высокие деревянные ворота тюрьмы с полосатой будкой для караульного стали гранью, отделившей настоящее от такой

далекой свободы. Весь мир сузился до размера тюремной камеры, переходов и кабинета следователя.

Караульные провели арестантку к массивной приземистой круглой башне с неизменной полосатой будочкой для часового у входа. Скрипнули тяжелые дубовые двери, пропуская ее и сопровождающего офицера внутрь. В небольшом внутреннем помещении после яркого дневного света их встретил полумрак и новый караул — фельдфебель и двое солдат. Деревянные стол, лавка, топчан вдоль стен и пять железных дверей с зарешеченными смотровыми окошками — вот и всё караульное помещение. Поручик вручил фельдфебелю приказ.

Фельдфебель, пожилой мужчина с рыжевато-седыми усами и многочисленными нашивками на рукаве, неторопливо его изучил, окинул арестантку пронизывающим взглядом и скомандовал:

— В офицерское отделение, в одиночку для смертников.

Сердце Аники сжалось, и через мгновение ему стало тесно в груди. Катастрофически не хватало воздуха. Солдат с безразличными сонными глазами на круглом веснушчатом лице несколько раз стукнул в железную дверь в дальнем углу. В смотровом окошечке появился круглый черный

глаз, и из-за двери послышался грубый недовольный голос:

— Чего надо? Соснуть не даете, черти!

Солдатик коротко хохотнул.

— Пассажирка к тебе, Филиппыч! Чтобы не скучал, значит!

Поручик не выдержал и взорвался:

— Обращаться по уставу! Распоясались, сволочи! Фельдфебель, наведите порядок!

Фельдфебель неохотно, с ленцой в голосе отозвался:

— Слушаюсь, вашбродь! — и врезал солдату в ухо.

У того резко мотнулась голова, но выражение глаз осталось прежним.

Дверь открылась, выпустив надзирателя — полного коротышку с нелепыми кривыми ногами кавалериста, обрюзгшим, неестественно белым лицом в оспинках и черными глазами навывкате. Он сориентировался в обстановке, вытянулся перед офицером по стойке смирно и рявкнул:

— Ваше благородие, куда прикажете сопроводить арестантку?

Тот сердито скомандовал:

— В одиночную!

За дверью оказался серый коридор, в конце его — снова дверь, а справа — ее новая обитель, крошечная камера размером с голубятню с

одиноким, привинченным к полу табуретом посередине. Офицер вместе с осужденной зашел в камеру, заполнив собою все свободное пространство. Он был молод, не старше двадцати пяти лет. Его приятное мужественное лицо оказалось прямо перед ней, он посмотрел ей в глаза с сочувствием и тем не менее твердым, официальным тоном произнес:

— Осужденная Мозенз! В соответствии с известным вам приговором губернского суда и так как не соизволили подать апелляцию, вы будете находиться в камере Косого капонира Печерской крепости до исполнения приговора. На вас будут ножные и ручные кандалы. В случае неисполнения приговора сегодня...

Девушка произвольно вскрикнула:

— О Господи!

— Вам на ночь, до шести часов утра, будет внесен топчан с соломенным тюфяком. Так-с. Какие будут просьбы, пожелания? — спросил он и добавил более мягким тоном: — Водки хотите?

«Вот и все, — подумала Аника с горечью, — сегодня мои страдания закончатся». Теплившаяся надежда на чудо избавления от смерти, от тюрьмы умерла вместе с этими мыслями. На душе вдруг стало спокойно, исчезли вмиг ее тревоги и ожидания. Она лишь сглотнула образовавшийся комок в горле.

— Спасибо, я не пью... не пила раньше, — голос звучал удивительно ровно, буднично, как бы безотносительно к ней. — Если можно, воды, холодной воды — жара сегодня невообразимая, сударь. И раз уж вы так любезны, то распорядитесь принести мне Библию и свечу. Когда за вами закроется дверь, наступит темнота... Большую свечу, пожалуйста, чтобы надолго хватило, — боюсь я темноты! — Ненадолго задумалась, а потом добавила: — Не знаю, сколько мне суждено здесь пробыть...

От безысходности этих слов Анике стало холодно, ее стала бить мелкая дрожь. «Как страшно ожидать смерти за преступления, которых не совершала, — ни в мыслях, ни наяву!» В отчаянии она выкрикнула:

— Боже, ты же знаешь — я не виновна! Открой глаза этим людям! — Но тут же и успокоилась: — Извините, нервы.

Поручик сочувственно посмотрел на обреченную. Его взгляд иллюстрировал статью Гегеля «Кто мыслит абстрактно?». Девушка из высшего общества в преступнике, идущем на казнь, видит только красивого молодого человека с несложившейся жизнью, сочувствует ему, а уличная торговка абстрагируется от внешности, видит в нем лишь убийцу и жаждет его наказания. Молодой офицер видел в арестантке

привлекательную молодую девушку, а не подлую отравительницу-убийцу.

— Зря вы от водки отказываетесь, мадемуазель! — Его взгляд бегал по сторонам, а на лбу выступила испарина. — Это ваше дело, но, уверяю вас, легче станет...

— Легче будет умирать в неполные двадцать два года? — закончила она за него. — Поверьте, поручик, мужества мне хватит и без водки, обидно, что без вины погибну...

— Мадемуазель, я не хотел вас обидеть, даже наоборот... Видел я многих осужденных, в том числе и смертников. Прости их, грешных! — Поручик перекрестился. — Я хочу верить в вашу невиновность, и подсказывает мне сердце, что вы не убийца, — вы не похожи на преступницу, — и он сменил тему разговора. — Кстати, мадемуазель, с вами я встречался на вечере поэзии в Народном доме. Вы читали свои поэтические творения, безусловно, талантливые! Их потом напечатали в газете «Курьезе». Стихотворения прекрасные, чувственные, в них много трагизма и даже мистицизма. Я к вам подходил как благодарный слушатель, даже имел смелость пригласить на ужин в ресторацию «Эрмитаж», но вы восприняли приглашение как неудачную шутку, а вскоре к вам подошел молодой человек, и вы с ним уехали на извозчике. Припоминаете?

Девушка всмотрелась в жандарма и с легкой иронией тихо произнесла:

— Вы были тогда не в мундире, такой, как все. Приятный молодой человек.

— После того вечера я несколько дней был не в себе, все хотел с вами встретиться... С тем молодым человеком у вас был роман? Его звали, если не ошибаюсь, Михаил?

— Какая разница, сударь, как его звали и были у меня с ним роман в той жизни, оставшейся за стенами тюрьмы! — раздраженно ответила девушка. — Если вам угодно знать, то он умер. Не вынес позора и лжи! Вскоре я последую за ним, и не без вашей помощи, — и она с чувством продекламировала четверостишие:

Я буду любить тебя вечно,

Мы будем с тобою всегда.

Что жизнь? Ведь она быстротечна...

Душа — не умрет никогда!

— Мадемуазель, я верю в вашу невиновность... — Он замолк, не находя больше слов.

— Тогда почему я здесь, а не на воле? Почему вы держите меня здесь и готовите казнь, хотя верите в мою невиновность? — голос ее срывался от возмущения и обиды.

— Это решает суд, те, кто наверху, но никак не я! Мое дело выполнять приказы, а не рассуждать. Да-с! — безапелляционно заявил он, разведя руками, и сразу вновь смягчился: — Может, все-таки водки изволите?..

— Вы... чудовище! — взорвалась Аника. — Другие хоть уверены в моей виновности и видят во мне убийцу, а вы, сочувствуя и сострадая, предполагая, что я невиновна, спокойно поведете меня на эшафот! Так приказало начальство! Отговорка для подлецов!

Лицо офицера залила краска стыда. Не в силах найти нужные слова, он непроизвольно открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба.

— Как ваше имя, поручик? — Злость покинула Анику внезапно, как и пришла.

— Андрей... Андрей Андреевич Щеглов, — растерянно ответил он.

— Господин Щеглов, желаю вам здравствовать долгие годы и иметь много детей, абсолютно не похожих на вас! Желаю вашим нерожденным детям жить, не уподобляясь моллюскам, ограниченным раковиной, как человек — приказами свыше, а иметь свое разумение и действовать по совести! Вас я больше не задерживаю! При случае помолитесь в церкви за безвинно убиенную, не без вашего участия, Анику Мозенз! — и она заплакала навзрыд, до боли в

груди. — Идите же, я хочу побыть одна, — едва смогла она промолвить сквозь слезы.

— Сейчас распоряжусь — вам принесут Библию и свечу, — сказал офицер, глядя в стенку, козырнул и вышел из камеры. Заскрежетал ключ в двери, и до Аники донесся приглушенный голос поручика: — Надзиратель! Принеси барышне воду, Библию и свечу, да побольше, не огарок какой-то. Ты понял?! Мухой давай!

Через мгновение тюремную камеру заполнила густая тишина одиночества. Обрывки мыслей водили хоровод в молодой головушке, не позволяя ни на чем сосредоточиться. Рыдания перешли во всхлипывания и затихли, только из носа текло и от слез резало глаза. Вновь заскрежетал ключ в дверях, и в камеру вошел надзиратель.

— Всё как вы просили, барышня, — Библия и свеча. Большая Библия и большая свеча! И от меня лично — соломенный тюфячок. Хотя это против правил. Да бог с ними, с этими правилами! Не сидеть же вам, барышня, все время, как свеча, посреди камеры на табурете. Сможете отдохнуть, соснуть часок — лежа-то сподручнее! Здесь я его расположу, удобно будет. Силы вам ой как понадобятся! — с иронией в голосе промолвил он. — Наконец-то все угомонились. В этом крыле тюрьмы мы остались вдвоем — я и ты, барышня, — голос его приобрел зловещие интонации. —

Ненадолго! Часа на три-четыре, не больше. Расскажу тебе, что произойдет по окончании этого времени. — Надзиратель засмеялся — зло и ехидно. — К тебе, барышня, зайдут в гости на огонек большой свечи начальник тюрьмы, духовник, врач, дежурный офицер и конвой. Начальник тюрьмы предъявит письменный приказ генерал-губернатора сопроводить тебя в Лысогорский форт для исполнения приговора. Духовник вытрет тебе то ли слезы, то ли сопли, а офицер скомандует караульным взять тебя под белы ручки и в кандалах сопроводить в черную карету для развозки смертников. Там выгорожена махонькая-махонькая клетушка, даже ты согнешься в ней в три погибели, иначе не поместишься. Тебя сопровождает почетный конвой из девяти казаков. Как же, важная персона, чай не каждый день висельников возят! В форте, снова взяв под белы ручки, отведут на один из бастионов, где тебя ожидает большой сюрприз — деревянная виселица с добротной, хорошо намыленной пеньковой веревкой. Комендант форта зачитает приговор суда, и начнется подготовка к казни.

Что ж ты побледнела, барышня? Это лишь слова, а тебе предстоит все это прочувствовать на собственной шейке. Мой тебе совет, барышня, облегчи перед казнью не только душу, но и тело. Вон параша стоит. Ха-ха. Бывают такие курьезы...

ха-ха... может и медвежья болезнь приключиться. Ха-ха. Ведь неприлично будет, барышня! Да-с!

Так вот, снимут с тебя кандалы, барышня, поменяют их на кожаный ремешок — он не лучше, подлецы затают его так, что белы рученьки-ноженьки посинеют. Ненадолго, сама понимаешь. Взойдешь ты на деревянный помост под виселицу, наденут тебе на голову черный балахон, на шею — пеньковый галстучек, чтобы, значит, шейку не простудила. Ха-ха. А шейка тоненькая, барская шейка... И синенькая жилочка на ней так и бьется, как синичка в клеточке. Тук-тук-тук.

Повезет тебе, барышня, если, когда лючок откроется и ты полетишь вниз, шейка твоя сломается — и мучениям конец... Может и не сломаться, вишь, какая ты вся худенькая, легонькая, не за что и потрогать.

Завороженная рассказом, Аника не сразу ощутила на себе его жадно ощупывающие руки. Брезгливо сбросила их.

— Ты не балуй, барышня! — строго проговорил он. — Я тебе дело говорю, а ты по рукам бьешь! Грудки у тебя даром что маленькие, востренькие, как гвоздики.

Так вот, барышня, если у тебя шейка не хрустнет, то будешь задыхаться, задыхаться, а докторишка будет свою трубку поганую к груди

приставлять и докладывать, что не кончилась ты еще. Язык покажешь всем, но не маленький и остренький, а толстый и синий. Глазенки вылезут у тебя из орбит, а там, дай Бог, и кончишься...

Это еще не все. Вытряхнут тебя из халата, а под ним ничего нет, я знаю, и засунут в дырявый мешок. Ха-ха. Солдатики будут смеяться и обсуждать твои женские прелести. Бывшие прелести...

Отнесут тебя в сторонку и закопают, как шелудивого пса, — без имени, без креста.

Гутарю с тобой, барышня, вот по какой причине. Ведь ты девица, верно? Не красней, это дело поправить можно и нужно, — он стал слюняво причмокивать, — а то и в могилу сойдешь, не познав мужика! Ведь это дело есть главное в жизни, а ты мимо него пройдешь! Будешь ли ты ходить по райским кущам или кипеть в смоле — мне неведомо, но вот этого дела ты там не познаешь! От него тебе только польза, может, и веселей будет идти на смерть.

Ты носом не крути, не строй из себя ангела! Пока по-хорошему предлагаю... А раз я хочу, кто мне помешает? Мы одни здесь! Хоть брыкайся, хоть голоси, я сейчас для тебя господин — что захочу, то и сделаю!

Он облапил девушку, не давая ей подняться с табурета. У нее перехватило дыхание. Смердящим

ртом стал тыкаться в плотно сжатые губы. Вдруг резко рванул ее с табурета и поволок на тюфяк. Косынка спала с русой головы, хлипкие застёжки халата отлетели, и обнажилось плечико, что еще больше распалило его животную похоть. Крики о помощи потонули в стенах камеры.

— Кричи, громче кричи, девка! Зови на подмогу солдатиков, они, чай, не дураки, не откажутся! Станут за мной в очередь к твоему телу! — возбужденно шептал он. — Четверо нас будет к тебе, значит, пока последний пройдет, первый снова захочет, а за ним второй и так дальше! Вот такая карусель будет! Бесконечная карусель! Ты должна меня просить-молить, чтобы я двери не открыл солдатикам, а не звать их на подмогу!

Бросив ее на тюфяк, он навалился на хрупкое молодое тело. Его руки деловито задрали халат, стали бесстыдно и властно ощупывать ее. Вседозволенность и безнаказанность порождали в нем безжалостную силу. А вот Анику силы стали покидать. Почувствовав дрожь слабости в ее руках, он запутал цепи ручных кандалов и свел ее руки, обхватив их одной своей, а освободившейся рукой стал шарить у себя в штанах. Его кривые, мерзкие ноги разжали ноги девушки, он вжался в ее живот. Она пыталась сбросить его с себя, но безрезультатно. Надзиратель перестал шарить в

штанах, и что-то скользкое и мерзкое коснулось низа ее живота. Аника резко дернулась, и ей удалось немного сдвинуть его.

— Ах ты подлая отравительница! Кабацкая девка! Не нравится? Ты у меня сейчас будешь стонать от восторга! — В бешенстве свободной рукой он наносил ей хлесткие удары по лицу.

Она ошеломленно затихла и прекратила сопротивление.

— Поцелуйте меня, — просто сказала Аника.

— Чего-чего? — Он оторопел.

— Поцелуйте меня, — повторила она и подставила губы для поцелуя. — Ведь вы у меня будете первый!

— Давно бы так, барышня! — одобрительно бросил он, окутав ее гнилостным дыханием.

Усмехнулся, ослабил хватку руки, держащей ее руки, и впился в губы. Аника ответила, широко открыла рот и прикусила ему губу — он завопил, не отпуская ее. Чувствуя соленый привкус крови, она все сильнее стискивала зубы. Он в бешенстве стал вырываться и что-то мычать. Наконец она с сожалением разжала зубы и тут же резко двумя руками ударила его в грудь, сбросила с себя и вскочила, поправляя халат.

Тесная камера не давала возможности разойтись, и они стояли, закипая от ярости, друг напротив друга. По лицу надзирателя струилась

кровь, он, бешено вращая глазами, вновь стал приближаться.

— Ах ты зараза! Кусаться! Да я сейчас из тебя отбивную сделаю! — злобно шипел он, подступая с кулаками.

— Успокойтесь, я должна вам кое-что сказать. Минутку спокойно постоит! Ну куда я в камере денусь с кандалами на руках и ногах? Присядьте на табурет, выслушайте, а потом можете делать, что хотите!

Надзиратель недоверчиво посмотрел на нее, какое-то время подумал и опустился на табурет.

— Гутарь, но недолго, и давай без этих твоих фокусов! А то... — он сунул ей под нос кулак.

Аника заговорила спокойным, ровным голосом, сама себе удивляясь:

— Вы, конечно, сильнее меня и силой добьетесь своего, но учтите три вещи. Добровольно я не дамся, исцарапаю вам лицо как смогу. Кое-какие следы уже имеются. Объясняться придется и на службе, и дома. Это во-первых.

Молчать я не буду. Начальник тюрьмы не оставит без внимания это безобразие, ему в подтверждение кое-что уже запечатлено на вашем лице, а будет еще больше. Проведут служебное расследование — написать бумагу у меня займет немного времени. Это во-вторых.

Самое главное, — ее голос стал хрипеть от ярости, — я вас, всю вашу семью после своей смерти не оставлю! Буду приходить по ночам попить кровушки. Ради этого готова отдать свою душу дьяволу, стать ведьмой с Лысой горы! Чего смотрите? Ведь знаете, за какие дела мне присудили виселицу! Думайте, решайте, а я хочу еще кое-что добавить.

По его лицу было видно, что ее слова возымели действие, но, неожиданно для себя, она ударила его кандалами по голове. Надзиратель упал с табурета и на четвереньках попятился к двери. Потом поднялся на ноги и оттолкнул от себя девушку, в ярости наступающую на него.

— Пошла прочь, ведьма! Не могла нормально сказать, сразу биться! Губу изуродовала. Когда пеньковый галстук наденут тебе на шейку и на нем закачаешься, вспомнишь меня! Да поздно будет! — крикнул он, открыв дверь. — Надумаешь — стучи в дверь. Спокойного ожидания смерти! — бросил он на прощанье слова, словно камни, и закрыл за собой дверь.

Торжествуя, Аника засмеялась, но это был горький смех. Сейчас она победила зло, но в итоге зло победит ее...

«Сколько у меня осталось времени, отведенного для жизни, — час, два, три? — печально подумала она. — Что за это время можно

сделать и что нужно? Разве что воспоминания — преданные друзья — помогут скоротать оставшееся время.

Сколько у человека жизней? В двадцать один год их у меня две. Одна из них — счастливое детство в Херсоне, сухой ветер причерноморских степей, бескрайние плавни низовьев Днепра, любящие родители, трагическая смерть отца, переезд в златоверхий, торжественный Киев к дяде Людвигу, брату отца. Его семья, так радушно принявшая меня.

Марья Ивановна, тетя Маша, жена дяди, — беспокойное любящее сердце, скрывающееся за внешней сухостью. Дядя Людвиг добродушно подсмеивался над ее педантичностью: «Я стал настолько русским, что женился на тебе, чтобы хоть немного чувствовать себя немцем и не забывать традиционно присущих нам качеств!»

Дочери-близнецы, мои кузины, на три года младше меня, так похожи внешне и так не схожи характерами: хохотушка-болтушка Марта с постоянным лукавым блеском глаз и острым язычком и задумчивая, немногословная Ольга, обожающая музыку Вагнера и трагические спектакли театра «Соловцов»¹. Может, она

¹ Театр «Соловцов» — русский драматический театр в Киеве. Основан в 1891 году известным российским актером и

предчувствовала трагический конец своей жизни? Упокой, Господи, их невинные души!

Учеба в Екатерининской женской гимназии, затем в Женском университете Святой Ольги, который так и не удалось окончить... Уже было пошито выпускное платье, его так и не довелось надеть.

Прогулки по шумному, помпезному Крещатику, строгой, торжественной Владимирской улице, тенистым аллеям Бибиковского бульвара, вычурному Печерску с его причудливой архитектурой. Сколько жарких споров вызывали архитектура дома-замка барона Штейнгеля и караимской кенассы на Большой Подвальной, дом с химерами архитектора Городецкого! Как мы с подружками любовались росписями Васнецова, Врубеля, Пимоненко во Владимирском кафедральном соборе, канонической строгостью древних фресок Михайловского Златоверхого и Софиевского соборов!

А загадочность и отрешенность от мирской жизни подземных церквей Печерской Лавры при трепетном свете свечей!

драматургом Николаем Соловцовым. Один из первых стационарных киевских театров с постоянной театральной труппой. Просуществовал 33 года. (Здесь и далее примеч. авт.)

Бесчисленные парки Киева! Я любила там гулять, как бы купаясь в веселой зелени весны, лета или в печально-торжественном золоте осени. Сколько верст пешком мы прошли вдвоем с Мишей по аллеям Царского, Николаевского парков, Шато де Флер, по саду Купеческого собрания! А какой озорной набег мы совершили на закрытый для посторонних парк «Кинь грусть»!

Пешие походы в Предмостную слободку, куда мы попадали, пройдя по Николаевскому цепному мосту, лодочные прогулки на Труханов остров. Плеск весел в темной днепровской воде навеивает воспоминания о традиционных ужинах в ресторанах «Босфор», «Аквариум», прогулках по парку, причудливому зимнему саду «Эрмитаж» и веселье русской оперетки. Мы мечтали устроить свадебный лодочный кортеж и обвенчаться на этом острове в Елизаветинской церкви.

Бедный Миша! Упокой, Господи, его душу! Смертью ты уже искупил свой грех, и я молю Небеса, чтобы они смилостивились над тобой! За свою судьбу я тебя простила, а ты на Небесах сам попросишь прощения!

Вторая жизнь началась вместе с болезнью и неожиданной смертью Ольги, а затем и Марты. Их похоронили одну за другой, и казалось, что это были одни похороны. Дальнейшие события, будто в калейдоскопе, закрутили меня, подхватили, как

бурный поток листочек, и понесли в ужасающую действительность, вовсе не считаясь с моими желаниями.

Самоубийство тети Маши, снова похороны, странная болезнь дяди и наконец следствие. Следователь, господин Брюквин, являлся мне даже во сне. Обрюзгший, с серыми глазками-ледышками за очками в тонкой золоченой оправе, в потертом синем сюртуке, вечно несвежей рубашке, с несвежим же дыханием, он безжалостно растоптал своими грубыми башмаками мою жизнь, мою честь, покрыв позором мое имя. Это он объявил меня вероломной отравительницей своих родных, своих благодетелей.

Я отравительница?! Я вероломно убила-отравила своих кузин, Марту и Ольгу?! Я инсценировала самоубийство тети Маши?! Я отравила своего родного дядю Людвига, который заменил мне отца?!

Я не убийца! Это Брюквин убийца, тройной убийца! Он перед судом довел до самоубийства мою мать, отчаявшуюся из-за павшего на нее позора и всеобщего презрения. Это из-за него Миша покончил жизнь самоубийством. Гореть вам, господин Брюквин, в геенне огненной тысячи лет! Взываю об отмщении! И да исполнится то, что сказано в Писании в отношении таких, как он:

«Пусть забудет его утроба матери; пусть лакомится им червь, пусть не остается о нем память»².

А я понесу крест на собственную Голгофу безропотно, безвинно и испуплю своей мученической смертью Мишины грехи».

И вновь ей на ум пришли строчки четверостишия, которые недавно прочитала жандарму, только сейчас она изменила вторую строку:

Я буду любить тебя вечно,
И смерть я приму за тебя.
Что жизнь? Ведь она быстротечна...
Душа — не умрет никогда!

«Круглый деревянный павильон с панорамой «Голгофа» возле Александровского католического костела, куда я вместе с девочками-гимназистками ходила в сопровождении классной дамы, а потом уже будучи студенткой. Как замороженная, смотрела на сожженный безжалостным солнцем неземной ландшафт Лысой горы — Голгофы, на мизерные фигурки людей, пришедших в основном из любопытства, а может, даже порадоваться при виде чужого горя.

² Иов, 24: 20.

Мизерные по сравнению с титанической масштабностью происходящего события, не понимающие в силу скудости своих умишек, какое историческое событие, действие разворачивается перед их глазами. Смотрела, стараясь постичь сущность казнящих, казнимых и любопытствующих. Небезразличных было мало, совсем как в наше равнодушное время.

Три жалкие человеческие фигурки, распростерты на крестах, казалось, ничем не отличались друг от друга. Искупительная жертва за все человечество одного из них — Сына Божьего... Я не могу принести искупительную жертву во имя всего человечества, как Иисус, но во имя одного, которого уже нет, смогу. Во имя твоего спасения, Миша! Смиловись над ним и надо мной, Господи!»

Аника стала на колени, прямо на каменный пол, и начала молиться о спасении души. На коленях стоять было больно, холодно, и вскоре ее стала бить мелкая дрожь. Тогда она забралась с ногами на соломенный тюфяк, закуталась поплотнее в арестантский халат и прикрыла глаза. Нет ничего хуже ожидания, но что может быть хуже ожидания смерти? Ей не верилось, что завтра ее уже не будет. Встанет солнце, освещая сонный город, улицы которого постепенно будут заполняться людьми. Первыми выйдут на улицу

дворники, молочники и булочники, затем потянутся мастеровые; по бесконечной Александровской улице задребезжит трамвай, первый раз выходя на маршрут, соединяющий Печерск и Подол; начнут открываться лавки, магазины, распахнут свои двери училища и гимназии, а будущие выпускницы 1913 года Женского университета Святой Ольги вместо подготовки к выпускным экзаменам разбредутся кто куда: в библиотеку, к модисткам — добавить последние штрихи к бальному наряду — или в кондитерскую, посудачить о делах насущных. Возможно, темой их разговоров будет и она, бывшая студентка, их подруга, а теперь смертница, отравительница, заклеянная позором из-за гибели своих родных. Неужели ее жизнь сегодня оборвется?

Неожиданно она вспомнила прошлогодние рождественские гадания, которые она со своими кузинами устроила поздней ночью. Тогда, уединившись втроем в темной комнате, где перед большим зеркалом горела единственная свеча, они стали гадать. Первой гадала тихая, вечно печальная Ольга, мистик по натуре, увлекающаяся спиритическими сеансами, ночами пишущая никому не понятные стихи. «Суженый-ряженый...» — прошептала она слова заговора. У нее ничего не вышло, а затем по очереди гадали кузины, но также безуспешно. Они ничего не увидели в зеркале, и

вечно смешливая Марта уже стала на этот счет острословить, когда Ольга вдруг побледнела и встревожено спросила:

— Кто закрыл дверь в комнату? Ведь когда мы вошли, она оставалась открытой, я проверяла!

Аника и Марта переглянулись, но они не вспомнили, чтобы кто-нибудь из них закрывал за собой дверь.

— Мы все скоро умрем! — испуганно воскликнула Ольга. — Это нам знак — у нас нет будущего!

Их жутко напугали эти слова, а Марта высказала предположение, что в этом виновен сквозняк, с чем все поспешно согласились, хотя прекрасно знали, что окно в комнате не только плотно закрыто, но еще и завешено темной тканью, как требовал ритуал гадания.

«Как странно и страшно это вспоминать! — подумала Аника. — Немного времени прошло с тех пор, как мои кузины умерли, и наступил мой черед! — Дрожь вновь пробежала по ее телу. — Если прав этот мерзкий тип, который попытался насильничать, меня ждет погребение без православного обряда, тело поглотит земля, и не останется никакого следа моего пребывания на земле. Вроде как и не жила... Мечты стать знаменитой поэтессой умрут вместе со мной. Мое единственное опубликованное стихотворение в

бульварной газете «Курьезе», возможно, лишь ненадолго переживет меня, и в конце концов все эти газеты пойдут на растопку печей.

Я упокоюсь на Лысой горе, по преданиям это прибежище ведьм и место черного шабаша. Я только что грозилась стать ведьмой и по ночам пить кровь у этого непотребного человека и его родных — неужели возможна такая метаморфоза со мной, с моей душой? Это было бы страшнее смерти».

Послышался скрежет открываемой двери. Сердце Аники оборвалось в бездну, ноги стали ватными.

— Неужели пришли за мной, так скоро?! Господи, я хочу жить! — Она зашептала слова молитвы.

Перекошенное от страха бледное лицо надзирателя.

— Барышня! К вам господин Брюквин, следовательно, — сообщил он и добавил шепотом: — Не погубите, барышня, Христа ради! Не за себя прошу, а за своих малолетних деток.

«Дрожащий от ужаса студенистый кусок мирской плоти, недавно объявивший себя моим господином! — с омерзением подумала она. — Неужели я так же буду трястись в последние мгновения своей жизни? Господи, дай мне силы!»

Запах несвежего белья и гнили, исходивший от господина Брюквина, перебивал тюремный. Надзиратель поспешно покинул камеру.

— Так-с, барышня, готовитесь к дальнейшему путешествию? — насмешливо проговорил Брюквин. — Похвально, на лице ни слезинки, ни кровинки. Нервишки у вас... позавидуешь. Ах да, я и забыл, с кем имею дело, ведь это непросто — своих родных, благодете...

— Что вам нужно? — резко перебила его Аника. — Следствие закончено, решение суда, с вашей помощью, вынесено, меня ожидает виселица через несколько часов. Пришли упиваться триумфом? Здесь нет благодарных зрителей, мое мнение о вас вы знаете. А может, у вас проснулась совесть и вы пришли, чтобы раскаяться в содеянном, признаться в фальсификации доказательств моей вины? Да нет, это немислимо! Тогда, господин Брюквин, соизвольте подождать — я попрошу вызвать моего адвоката, — не удержалась она от иронии.

— Шутить изволите, барышня? — Глазки его весело поблескивали за стеклышками очков. Он напоминал крысу, хорошо отобедавшую в амбаре. — Да-с, редкое самообладание у вас. Юмор с веревкой на шее — это юмор висельников. Ха-ха. Какой каламбур! Я к вам по неотложному делу! От результатов нашего разговора зависит ваша жизнь.

Или, может, вы ею совсем не дорожите, милая барышня? Радуйтесь — у вас появился шанс отсрочить казнь или даже отделаться только тюрьмой! — Он торжествующе посмотрел на маленькую арестантку, проверяя, какое впечатление на нее произвели его слова. — Для начала — *сюрприз* ! Оказывается, существует тесная связь нашего мира с потусторонним и, бывает, мертвые возвращаются в наш мир из загробного живыми. Да-с, представьте себе — живыми! Особенно те, кому не дают покоя лавры Данте с его похождениями в аду. Да-с. Ну, не буду вас больше томить: оказывается, ваш друг, господин Шиповский Михаил Александрович, жив-живехонек! — Всем своим видом следователь выражал восторг.

— Миша живой?! Его спасли? Где он? — Аника без сил опустилась на табурет.

— Ах, барышня-барышня! Это ни чудесное воскрешение, ни, тем более, спасение на водах! Все гораздо проще — господин Шиповский, ваш Миша, инсценировал самоубийство! Свои вещички бросил на берегу Днепра, а сам дал деру! — Брюквин укоризненно покачал головой, и Анике показалось, что он перевоплотился в фарфорового китайского мандарина с маминого комода. — Я имею достаточные доказательства того, что он жив и скрывается. Ваш Миша, выставив вас

единственным виновником драмы семьи Мозенз, подвел вас под виселицу, навлек на вас позор, способствовал смерти матери, а сам скрылся, как трус! Думаю, он неплохо проводит время — карты, вино, девочки... Согласитесь, барышня, это ведь неблагородно с его стороны! — Теперь он излучал океан сочувствия, и от этого ей захотелось в пустыню. — Конечно, я могу объявить его в розыск, и рано или поздно господина Шиповского сыщут. Он не иголка в стоге сена. Беда в том, что мне это не-вы-год-но! — Следователь снял очки и протер стекла грязным платком. — Да-с. Невыгодно! Придется возвращаться к этому уже закрытому делу. Вы же понимаете, как на это посмотрит начальство, ведь, расследуя дела, я должен укладываться в установленные сроки. И мне вновь придется копаться в грязи, выискивать доказательства, а их против него нет! Лишь домыслы, предположения...хлопотно будет все начинать сначала, ой как хлопотно! — Он сделал многозначительную паузу. — Но я вам симпатизирую! Вы мне не верите, вижу по вашим глазам — не верите! Однако я вам правда очень симпатизирую и даже переживаю за вас! Не смейтесь, бывает, и ночами не сплю. Да-с.

Другое дело, — он весь подобрался и буквально впился в нее своими выпуклыми блеклыми глазками, — если вы собственноручно

напишете, что раскаиваетесь, признаете свою вину... но только в соучастии! Главный вдохновитель и исполнитель чудовищного замысла — господин Шиповский! Ваши показания против него и имеющаяся у меня информация, что он, голубчик, жив, приведут к отсрочке приговора, а дело вернут на дорасследование. Следствие представит вас только соучастницей, я вам это твердо обещаю, и вместо виселицы — несколько лет тюрьмы. Когда вы выйдете, будете еще молодой и красивой!

Времени у нас совсем мало, вот бумага, чернила и перо. Стола нет? Не беда. Подложите эту книгу. Ах, это Библия! Да ничего — она достаточно большая. Даже в какой-то мере символично! Давайте, пишите, не тяните время, пишите, не раздумывайте.

Аника была ошеломлена сообщением господина Брюквина.

«Миша жив?! Вот почему не нашли его тело, а только одежду на берегу Днепра! — подумала она, пребывая в растерянности. — Он жив и, возможно, является истинным виновником смерти моих родных! Почему я думаю, что он убийца? По той причине, что этот мерзкий тип Брюквин внушил мне, что Миша покончил с собой вследствие угрызений совести и страха перед наказанием? А если Миша жив, то, может, он просто испугался?

Он такой слабый, не верится, что мог решиться на такое...

А как же моя искупительная жертва за предполагаемые грехи упокоившегося Михаила, раз он жив?! Ради чего или кого я должна нести свой крест на Голгофу?

Так что же, мне покаяться в чужих преступлениях и взвалить вину на Мишу, может, тоже невиновного человека?! Мне предлагается сделка: спасти свое тело, загубив душу, — или взойти на Лысую гору, пожертвовав телом ради спасения души. Этот Брюквин — сущий дьявол!»

— Я вас совсем не понимаю, господин Брюквин! Что вы мне предлагаете — оболгать человека ради спасения собственной жизни? — Аника старалась говорить спокойно и твердо, но голос предательски дрожал. Мираж спасения от виселицы промелькнул перед ней!

— Не капризничайте, барышня! Это ваш последний шанс избежать виселицы. Или так хочется поболтаться на веревке? — Брюквин почувствовал внутреннее состояние девушки. — Пренеприятное это зрелище, можете мне поверить. Не тратьте драгоценное время — оно работает против вас! Вы ведь не совершали всех этих злодеяний, а кто другой их мог совершить, кроме Шиповского? Кому это было выгодно? Его мотив — получить в результате своих злодеяний

красивую девушку с большими деньгами! Тем более что он запутался в карточных долгах, а их надо платить. Да-с.

Он воспользовался вашей наивностью и глупостью. Да-с, барышня, именно глупостью! Это ваша глупость, а не благородство заставляет вас выгораживать его, это из-за нее вам грозит виселица. Сейчас в этой игре на кон поставлена ваша жизнь, другой у вас не будет! Подумайте своей чудной головонькой: вам, значит, виселица, а ему — все удовольствия жизни и безнаказанность за свои преступления? Пишите, барышня, пишите и не злите меня, а то я передумаю. Зачем мне эти хлопоты? — и он страдальчески вскинул глаза на серый потолок камеры.

— Господин Брюквин! Только что вы сами признали меня невиновной в совершении этих чудовищных убийств. Когда вы были искренни — во время суда, где с вашей подачи на меня вылили море помоев и нелепых обвинений, или сейчас, разыгрывая сочувствие и принуждая меня написать поклеп на близкого человека?

Я не убивала своих родных, я не хочу умирать на виселице, я люблю жизнь и понимаю, что другой у меня не будет, но ни за что не соглашусь оговорить другого человека.

Не знаю, кто убил моих родных. Если Миша, то пусть суд определит его вину и покарает на

основании настоящих доказательств, а не выдуманных!

Он скрылся? Да, он не герой, он слабый человек, но оговаривать его я не стану!

Если вы поможете мне избежать виселицы — буду вам благодарна всю оставшуюся жизнь! Вы ведь знаете, что я невиновна! Неужели совесть позволит вам смириться с убийством невинного человека?!

Смеетесь надо мной? Какой же вы тогда слуга закона и справедливости? Вы преступник и подлец, сами должны предстать перед судом, если не земным, то небесным!

Открылась дверь камеры, показалось бледное лицо надзирателя. Он умоляюще взглянул на Анику, а потом обратился к Брюквину:

— Прошу прощения... Господин следователь! Прибыл начальник тюрьмы и конвой для этапирования осужденной в Лысогорский форт.

— Оставьте свои высокие призывы на будущее, если оно у вас будет! Не теряйте времени — истекают последние минуты вашей жизни. — Брюквин был холоден и деловит. Сердце Аники оборвалось в пропасть. — Последний раз спрашиваю: будете писать, чтобы избежать виселицы? В противном случае вы сегодня умрете! Да или нет? — Брюквин был крайне раздражен.

— Нет, — это слово вырвалось само собой, хотя внутри у нее все кричало: «Да! Все что угодно, но только не смерть!»

Брюквин усмехнулся:

— Вы сами сделали выбор, барышня, и вините только себя. Надзиратель! Осужденная Мозенз в вашем распоряжении для этапирования на место казни. Прощайте, барышня! Если придется еще свидеться, то, думаю, тогда вы будете более покладистой!

«Странные слова на прощанье. Он надеется еще увидеться со мной?! — в отчаянии подумала Аника. — Где и как? Почему он ушел, ведь он знает, что я невиновна! Он должен не допустить казнь! Я хочу жить, дышать, любить и быть любимой! Я не хочу умирать! Помоги мне, Господи!»

* * *

Виселица была установлена на западном бастионе форта. Стояла глухая ночь, и в небе купались звезды — обиталища бессмертных душ, покинувших брентную оболочку. Казнь была обставлена просто и буднично. Даже когда Анике на голову накинули черный мешок, ее не покидало ощущение, что это какое-то театральное представление, не верилось, что через мгновение

она — молодая, красивая, девственно чистая — навсегда исчезнет из этого мира. Будут расти деревья, стоять дома, город будет жить своей обычной жизнью — только ее не будет.

Неожиданно она вспомнила рассказы преподавателя истории, большого почитателя египетской старины, о Долине мертвых, о последних убежищах почивших фараонов — тайных усыпальницах, гробницах, скрытых в глубине громадных пирамид. Внутри погребальных камер гробниц всегда присутствовала надпись: «Вспомни мое имя, и я обрету вторую жизнь». Теперь, стоя на пороге, отделявшем жизнь от смерти, она стала про себя повторять эти слова вместо молитвы.

«Вспомни мое имя, и я обрету вторую жизнь!»

Пол провалился под ногами. Пронзительная, мучительная боль, парализовавшая тело, длилась вечность. Веревкой раздавлена гортань, легкие готовы лопнуть от недостатка воздуха. Голова начинает расти и превращается в новенький кожаный мяч, в который усердно накачивают темную красную жидкость. Но надетые не бедную головушку железные обручи не дают ей расти. Их прибавляют множеством гвоздей, и каждый удар отдается нестерпимой болью. Сердце неумолимо сжимают кузнечные тиски, а оно все не дается, колотясь с отчаянием обреченного, и вдруг

превращается в стеклянный флакон, который разлетается на мелкие осколки под усилиями проклятых тисков. Лопается мяч, не справившись с обручами, и она летит в темный длинный туннель, из которого не видно выхода.

Врач убрал стетоскоп и констатировал:

— Наконец отмучилась, бедолага. Больше пяти минут — подобные случаи редкостны, даже уникальны. Все-таки это ужасное зрелище, господа! Особенно когда такая юная... Да-с. Занесите в протокол — смерть наступила в пять минут после полуночи.

* * *

У жандармского поручика, начальника конвоя для сопровождения смертницы, с хорошим послужным списком, подозрительно блестели глаза. Он решил напиться той ночью до поросячьего визга. Поручик станет проделывать это с завидным упорством и в последующие ночи, ибо сон покинет его, но облегчения он не будет получать. Некий женский образ, со временем все больше теряющий черты конкретного человека, будет преследовать его в снах и даже наяву. Пьяным он будет врываться в бордели, выискивая проститутку с коротко остриженными волосами, на коленях просить у них прощения и щедро наделять

деньгами. У «жриц любви» с улицы красных фонарей даже возникнет мода стричься очень коротко.

2

— Господин унтер-офицер! Рядовой Прохоренко третьей пулеметной роты гарнизонной службы принял пост номер пять! — хмуро отрапортовал курносый низкорослый солдатик в длинной шинели, которая, казалось, полами мела землю.

— Что ты, братец, невесел, отчего нос свой повесил? — с издевкой спросил высокий статный разводящий, и два сопровождавших его солдата искривили губы в угодливых улыбочках. — Мертвяка испужался, што ли? Так они дохлые, ни на што не годные. Тем более баба! Чего молчишь?

— Никак нет, господин унтер-офицер! Не испугался я, захворал, — постарался бодро ответить солдатик, но это ему плохо удалось.

— Завтра, как караул сдашь, пойдешь к лекарю. Он тебе клистир и касторку пропишет, неделю из сортира не будешь вылезать. — Все трое расхохотались — один зло, а двое подобострастно. — Если снова, как в прошлый раз, зря тревогу подымешь, тебе уже никакой лекарь не поможет.

Все снова заржали, а унтер сунул кулак солдатику под нос.

— Вспомни наставления гарнизонной службы, которые гласят, чтобы на шорохи, шумы всякие внимания не обращать, ибо все это происки ветра, а службу нести зорко и бдительно.

— Слушаюсь, господин унтер-офицер! — безнадежным тоном согласился солдатик.

— Неси службу, служивый! — рассмеялся унтер-офицер, и два голоса подчиненных присоединились к нему эхом. Три фигуры превратились в тени и исчезли в ночной темноте.

Полная луна периодически пряталась в темных тучах, проглотивших звезды без следа.

* * *

Тишина была напряженной, иногда ее нарушали не поддающиеся объяснению звуки ночи. Страх заполонил душу маленького солдатика, всего год как призванного на службу из глухомани Полтавской губернии.

Он вспомнил, как обрадовался, когда узнал, что для прохождения воинской службы направлен в большой город. Но вскоре радость сменилась страхом, так как он попал в Лысогорский форт, расположенный на проклятой горе, с давних пор считавшейся обиталищем нечистой силы. Вся эта

нечисть в дневное, светлое время дремала, а с наступлением темноты выходила на охоту за христианскими душами, поэтому он боялся ходить в караул в ночное время. А тут еще ему подвезло попасть на пятый пост, где прошлой ночью случилось что-то непонятное и страшное, в результате чего караульного Ворсунова направили в карцер, а сегодня отвезли на освидетельствование в госпиталь. Поползли слухи, что тот тронулся умом от встречи с призраком повешенной.

Солдатик, держа винтовку с примкнутым штыком и шепча спасительные молитвы, осторожно продвигался вперед. От расположенных на валу светильников внизу было мало света, поэтому ему приходилось изо всех сил напрягать зрение, с трудом сдерживая страх и стук барабнящего в груди сердца. Пятый пост располагался с наружной стороны вала, патрулирование предписывалось вести вдоль него. Маршрут был протяженный и пролегал возле западного бастиона, на котором не далее как три ночи тому назад была совершена казнь отравительницы.

С каждым шагом ужас все больше и больше овладевал им, в голову лезли всякие несуразности. Винтовка в руках больше не казалась ему грозным боевым оружием, несущим смерть, а виделась чем-то наподобие шутовской хлопушки, некогда

купленной на деревенской ярмарке. Обливаясь потом в отнюдь не теплую ночь, он не выдержал, приблизился к выходу из потерны № 2, закрытой мощными железными воротами, и на кирпичной кладке нацарапал штыком: «Спаси меня, Господи. Никодим. 1913 год».

Легче ему после этого не стало, в голову пришла мысль, что эти несколько слов переживут его на многие и многие годы. Было странно, что вот он стоит сейчас, молодой, здоровый, полный сил и жажды жизни, а эти еле видные кривые каракули сильнее его, так как им гарантировано бесконечное долголетие.

Машинально он сунул руку за голенище сапога, вытащил припрятанный кисет, «весточку из дома», полный душистого и злого самосада, злого, как командир отделения, унтер-офицер Сиротенко. Прошлой зимой за то, что он, стоя в строю на морозе, сунул заледеневшие руки в карманы шинели, унтер приказал наполнить карманы песком и зашить — по два фунта в каждом! Наказание было бессрочным, пока унтер не сменит гнев на милость.

Солдатик свернул самокрутку и закурил, с удовольствием вдыхая вонючий дым, прикрывая рукой тлеющий огонек. Это был немалый риск — за курение на посту полагалось пятнадцать суток карцера. Но судьба была милостива к нему и не

наслала проверяющих. Курение успокоило нервы, он даже приободрился. Солдатык спрятал окурок в кiset и вернул его на место, за голенище. Теперь он шел бодрее и уже не так боялся, хотя вот-вот должен будет проходить под западным бастионом, на котором зловещая виселица ожидала следующую поживу.

Отравительницу, казненную три ночи тому назад, закопали в ту же ночь возле старого дуба, пережившего строительство крепости. Он сам участвовал в копке могилы, но не в самом захоронении. Среди солдат ходило поверье, что висельники, казненные в крепости, на протяжении сорока дней и ночей шалют, делают разные пакости живым, и в это время нужно держать ухо востро. Оно и понятно, ведь по христианскому обычаю обязательно хоронят до заката солнца, а вот казненных — тайно, ночью, и могилу не запечатывают.

Перед самым бастионом бодрое настроение покинуло солдатика, шаг стал короче, двигался он медленнее, шел, словно на цыпочках, как будто боясь потревожить кого-то производимым шумом. А может, просто хотел скрыть свое присутствие. В сторонке треснула ветка, словно на нее наступили, и ужас овладел им.

«Свят, свят! Пронеси нечистую силу мимо, не дай лицезреть лик ужасный!» — прошептал он,

беря наизготовку винтовку, ходуном ходившую в руках. Потом прокричал дрожащим голосом и совсем не по уставу:

— Эй, кто там? Выходи, а то пульну из винта! — В ответ — тишина. — Показалось! — вздохнул он с облегчением, но тут что-то неуловимое прошмыгнуло мимо, обдав могильным холодом.

Почему-то вспомнился ему процесс подготовки могилы для отравительницы. «Под тонким слоем землицы оказался лёссовый грунт, копать было легко, не утомительно, но яму вырыли неглубокую, как-то не по-людски. Собаки могут разрыть».

Вновь что-то невидимкою промелькнуло рядом, и снова мороз пробежал по коже. Винтовка выпала из рук, почти без шума приземлившись на мягкую почву. Тут ему показалось, что он находится не на караульной тропе, а совсем в другом месте, возле еле заметного холмика свежей земли. Голос и ноги предали его — он не мог ни кричать, ни бежать прочь от этого страшного места. В голове зазвучал чужой голос, он принадлежал женщине: «Темно мне здесь. Душно, тесно. Жестко лежать». Солдатик почувствовал, как от ужаса у него на голове зашевелились, поднимаясь, волосы.

— Эй, дядя! Дядя! Дай закурить, Христом Богом прошу! Не пожадничай, а то прокляну! —

услышал он сзади девичий голос и, пересилив себя, обернулся.

Перед ним стояла простоволосая девушка с длинными всклокоченными волосами, одетая в лохмотья, напомнившие солдату мешок, в котором похоронили повешенную.

— Ты ведь мне должен! Ты помнишь, дядя? — и она рассмеялась ужасным трескучим смехом, безумно сверкая темными глазами.

Солдатик сунул дрожащую руку за голенище, достал кисет, швырнул его в привидение и бросился бежать.

«Прочь отсюда куда подальше! Схоронюся среди людей, авось не найдут. А там подамся с каламашниками³ строить железку. Прочь, прочь отсюда! До следующей смены почти два часа, авось не хватятся раньше. Пока караульные будут искать, пройдет время. А там, даст бог, повезет, и найду пристанище», — решил он и, искусно обходя посты, стал выбираться изо рва наверх, а потом сбежал с проклятой горы навстречу играющему разными огнями городу.

³ Артельщики, сезонные рабочие, с весны до осени вывозившие землю с выравнивавшихся под стройку участков и засыпавших ею яры.

У самого подножия горы, недалеко от устья реки Лыбидь, ему преградило дорогу плотное облако, сотканное из ночного тумана, но было в нем нечто странное, внушающее дурные предчувствия. Прохоренко, шепча про себя молитву о спасении души, с разбегу врезался в него. Облако, словно этого и ожидало, поднялось и исчезло в ночном небе.

* * *

На следующий день, ближе к обеду, на стол генерал-губернатора лег рапорт от коменданта Печерской крепости, в котором сообщалось следующее:

«Этим утром в окрестностях Лысогорского форта была задержана юродивая Дарья, фамилия и сословие неизвестны, до этих пор находящаяся по причине невменяемости в лечебнице для душевнобольных. Неизвестно, каким образом ей удалось обойти караулы, чтобы оказаться вблизи охраняемого форта. Предполагается, что сия юродивая Дарья в ночное время нагоняла страх на постовых, которые принимали ее за призрак недавно повешенной отравительницы Мозенз. В результате чего один солдат тронулся умом, а другой подался в бега, бросив пост. Поиски беглеца продолжаются. Виновные за недостаточную

бдительность во время охраны важного военного объекта наказаны».

А через несколько часов комендант Печерской крепости полковник Никольский получил телеграфную депешу следующего содержания:

«В Таврической губернии, возле села Лысая гора, задержана некая странная личность в военном обмундировании, назвавшаяся рядовым Лысогорского гарнизона Прохоренко Никодимом. Сия личность пребывает в невменяемом состоянии и постоянно что-то твердит о бесах. При нем были обнаружены: вечное перо, пишущее странными сухими чернилами, которые не требуется промокать, зажигалка, работающая не на керосине, а, предположительно, на газе, и несколько цветных пакетиков неизвестного предназначения. Предполагаю, что сии невиданные штучки иностранного производства. Сам Прохоренко утверждает, что сии предметы получил от бесов в женском обличье, которые разрушили Лысогорский форт, а его занесли сюда неизвестным способом. Приметы Прохоренко следующие...»

Полковник удивился чрезвычайно — перечисленные приметы сходились с описанием беглого солдата. Как за столь короткий срок он смог преодолеть триста верст?! Не иначе как не обошлось тут без чертовщины! Полковник вызвал адъютанта и продиктовал ответную депешу:

— Задержанную особу, выдающую себя за рядового Прохоренко, под конвоем доставить в Киевский гарнизон для выяснения личности.

Часть 1

Вспомни мое имя

Звери бегут только при виде опасности и, убежав от нее, не испытывают страха. Нас же мучает и будущее, и прошедшее. Из многих благ многие нам вредят: так память возвращает нас к пережитым мукам страха, а предвидение предвосхищает муки будущие.

Сенека

1

До окончания XX столетия оставалось всего два месяца, средства массовой информации и рекламщики плодотворно использовали чудное слово «миллениум», оракулы, экстрасенсы, всевозможные провидцы строили неутешительные прогнозы, приводя в качестве доказательства катрены Нострадамуса, выжимки из древних манускриптов, свои толкования неразгаданных

писаний, дошедших до нас из туманного прошлого. Ученые, опровергая их, вносили свою лепту скептицизма в умонастроение людей в преддверии нового тысячелетия. Живущие во всех странах нервничали и, вопреки всему, надеялись на лучшее.

31 октября 1999 года в безымянном, чудом сохранившемся скверике, протянувшемся от Московской площади до Голосеевской, вдоль улицы 40-летия Октября, пока еще не переименованных, между пожарным депо и православной церковью, на облезлой, когда-то зеленой скамеечке, расположились две разбитные двадцатипятилетние девицы.

— А я тебе говорю: всё во власти случая! — воскликнула проститутка Анжела по прозвищу Косичка и для убедительности хлебнула пива прямо из бутылки.

— Не-а, все случаи запланированы свыше, как и вообще всё в нашей жизни. Как не рыпайся, а конец тебя не обойдет! — хохотнув, сказала проститутка Соня-Червончик, вкладывая свой смысл в эту фразу.

На самом деле ее звали не Соня, а Лариса, и не так давно кличка у нее была Скунс, омерзительное вообще-то прозвище. Но в прошлом году она широко отпраздновала десятилетие своей профессиональной деятельности, в результате чего за ней укрепилось новое прозвище — Червончик. А

имя Лариса, как ей показалось еще в начале трудовой деятельности, только мешало работать — так она и стала Соней-Червончиком.

— Вот ты говоришь, умер у тебя муж — случай, приехала из глухого райцентра сюда в поисках работы — второй случай, познакомилась с ребятами, научившими тра...аться за бабки, подставила ты их, и выперли тебя из бара на большую дорогу — это какой у нас по счету случай? Да ладно, не напрягайся! — Соня посмотрела на свет сквозь пустую бутылку, расстроилась, что пива больше нет. — Да ни фига это не случаи! Ты б...дь по призванию, и это на тебе отпечатано! Была законной б...дью, потом ресторанной, а сейчас ты «плечевая»! Вот и вся твоя жизнь, а случай — это только с кем будешь спать и сколько их будет!

Меня таскали все кому не лень по кустам и кладбищам с тринадцати лет, в четырнадцать я задумалась, что дальше делать, в пятнадцать вышла на Большую окружную дорогу, а сейчас я здесь — тут спокойнее и клиентура сносная. Я своего занятия не стыжусь — это лучше, чем горбатиться за швейной машинкой от зари до зари, а потом выпрашивать свои кровно заработанные денежки, которых хватит только на то, чтобы с голоду не сдохнуть! — Соня перевела дух, ее переполняли эмоции, и тут ей в голову пришла шальная

мысль. — Эй, паря! — окликнула она проходящего мимо молодого человека с дипломатом, плящущегося на их длинные стройные ноги, затянутые в ажурные чулки и открытые взорам до самых ягодич из-за сбившихся коротких юбочок.

Парень, вздрогнув, остановился и, несмотря на то что несся куда-то с видом сверхзанятого человека, подошел к ним.

— Парень, кого ты хочешь тра...нуть, меня или ее? — деловито спросила Соня. — Тридцать — тра...нуться, двадцать — минет, для студентов скидка двадцать процентов! — продолжила она, с удовольствием наблюдая, как лицо вихрастого юноши приобретает помидорный цвет.

— Деньги есть? Нет? Тогда можно по любви, только жениться придется, зато все удовольствия бесплатно! Что, не хочешь жениться, миленький? Тогда чего стоишь как столб? Мотай отсюда к ядреной матери! Козел вонючий!

Молодой человек пошел дальше, но уже не так быстро и, то и дело оборачиваясь, поглядывал на странных девушек.

Анжела — ее настоящее имя было Александра — всего неполный месяц трудилась на здешней ниве сексуальных услуг, и она сразу подружилась с Соней.

Работа «плечевой» — дорожной — проститутки по сравнению с ресторанной чревата